

ПОЛЕМИКА

Священник Дмитрий Пашков

О ЕВХАРИСТИЧЕСКОМ ПРЕСУЩЕСТВЛЕНИИ

В шестом номере «Православной беседы» за 2004 год опубликована очень примечательная статья, причем на весьма почетном месте, — в рубрике «Торжество Православия». Статья, вышедшая из-под пера преподавателя МДА Александра Зайцева, называется «Евхаристическое преложение». Предложим благосклонному читателю попытку критического прочтения этого в высшей степени критического очерка.

Критике автора подвергается понятие «пресуществление Святых Даров» на Божественной литургии. Автора не устраивает самый термин «пресуществление», причем по двум причинам: исторической и богословской.

В статье А. Зайцева просматривается две части. В первой части своего эссе Автор показывает **историческую** ущербность термина «пресуществление», ущербность самого его происхождения. Как считает А. Зайцев, это понятие появилось, когда западные богословы решились найти рациональный ответ на вопрос: каким способом хлеб и вино становятся Телом и Кровию Христовыми. В то время, как богословы православного Востока «никогда не пытались объяснить евхаристическое преложение с помощью каких-либо рассудочных философских категорий», западные схоласты, воспользовавшись аристотелевским различием субстанции (сущности предмета) и акциденции (его вторичных признаков), в своих специальных трактатах пришли к отчетливому учению о **трансубстанцииции**, т.е. об изменении сущности литургических Даров в сущность Тела и Крови Христовых, при неизменности чувственных свойств хлеба и вина. Автор достаточно подробно излагает историю становления этой доктрины на Западе, что, очевидно, должно убедить читателей «Православной беседы» в совершенной ино-

родности понятия «пресуществление» для Востока. Причем, как убежден А. Зайцев, это понятие не могут взять под свою защиту авторитетные тексты восточного Православия, спокойно его употребляющие: ни «Православное исповедание католической и апостольской Церкви восточной», ни «Послание Патриархов восточно-католической Церкви», ни «Пространный христианский катихизис» святителя Филарета Московского, ни, разумеется, «Догматика» митрополита Макария (Булгакова): все, что говорится в них о «пресуществлении», есть результат «так называемого латинского пленения». Впрочем, А. Зайцев как будто даже снисходит к «Православному исповеданию» и «Посланию патриархов», говоря, что транссубстанциация утверждается здесь «в несколько смягченном виде»¹.

Если бы А. Зайцеву не нравились только терминологические дефиниции латинских схоластов, если бы его тревожило пресло-

¹ Вот что говорят нам эти тексты: «Священник, освящая Дары, так должен мыслить, что самое существо хлеба и самое существо вина прелагается в существо истинного Тела и Крови Христовой [...] . После (тайносовершительных) слов немедленно бывает *пресуществление*: хлеб пременяется в истинное Тело Христово, а вино в истинную Кровь; *остаются только одни виды их, представляющиеся взору*». Догматические Послания православных иерархов XVII-XIX веков о православной вере. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1995, с. 71.

— «По освящении хлеба и вина, — хлеб прелагается, *пресуществляется*, претворяется, преобразуется в самое истинное Тело Господа, которое родилось в Вифлееме от Приснодевы, крестилось во Иордане, пострадало, погребено, воскресло, вознеслось, сидит одесную Бога Отца, имеет явиться на облаках небесных; а вино претворяется и *пресуществляется* в самую истинную Кровь Господа, которая, во время страдания Его на кресте, излилась за жизнь мира. — Еще веруем, что по освящении хлеба и вина остаются уже *не самый хлеб и вино*, но самое Тело и Кровь Господня, *под видом и образом* хлеба и вина». Послания православных иерархов, с. 178.

— «При сем самом действии (т.е. призывании Святого Духа) хлеб и вино прелагаются, или *пресуществляются*, в истинное Тело Христова и в истинную Кровь Христову». *Святитель Филарет (Дроздов)*. Пространный христианский катихизис Православной Католической Восточной Церкви. М., 1995, с. 78.

вудое «латинское пленение» восточных иерархов; если бы, наконец, в его очерке речь шла **только** о терминах, мы могли бы его понять и даже согласиться с ним. Он совершенно прав, напоминая нам, что восточное богословие имело широкий спектр разных понятий, касающихся тайны «Евхаристического преложения»¹. Все издержки историко-догматического гиперкритицизма нашего Автора можно было бы и не замечать. Но оказывается, что это был лишь необходимый исторический экскурс перед второй и основной частью его статьи, где он заводит речь уже о **богословской** несостоятельности учения о пресуществлении.

Здесь уже хочется цитировать, чтобы избежать упрека в несправедливости, причем цитировать как нашего Автора, так и святых отцов той древней и цветущей эпохи Вселенских соборов, когда восточное богословие было как-будто еще свободно от «латинского пленения»: так будет удобнее сравнивать и делать выводы.

Итак, сначала читаем А. Зайцева. «Существо таинства святые отцы видели прежде всего в соединении евхаристических хлеба и вина с Божеством по образу соединения двух природ — божественной и человеческой — во Христе». Это значит, что «евхаристический Хлеб, будучи соединен с Божеством, не утрачивает своей природы, но обретает новое начало существования». Этот взгляд, которого якобы «придерживались все византийские отцы» (жаль, что утверждается это без должных цитат), развивается далее Автором с неумолимой логикой: «Введенное в богословский обиход Леонтием Византийским понятие «воипостасное» стало со временем применяться, причем в том же самом значении, и по отношению к Евхаристии». — Попутно не удержимся от вопроса: кем же именно (кроме А. Зайцева) понятие «воипостасное» стало «со временем» так

¹ Заметим лишь, что отсутствие разработанного понятийного аппарата не может свидетельствовать о полном нежелании восточных богословов (даже V-VI веков, которых наш автор особенно любит) рассудочно объяснять эту тайну (разумеется, до известных пределов). Напротив, отцы «Золотого века святоотеческой письменности» многажды касались этого вопроса, как мы постараемся показать ниже.

применяться? «В Боговоплощении Бог Слово воспринял человеческую природу в свою ипостась», — совершенно верно утверждает далее Автор. «Точно так же воипостасными, то есть воспринимаемыми в ипостась Бога Слова, становятся и евхаристические хлеб и вино, обретая тем самым сверхприродное качество Тела и Крови Христовых». То есть: происходит то же самое, что и в вочеловечении Бога Слова, если верить написанному А. Зайцевым: хлеб и вино становятся третьей и четвертой природами, воспринимаемыми Богом Словом в свою ипостась, как и природа человеческая! И уже лишь как следствие из этого, Святые Дары, сохраняя в целостности свою природу, обретают лишь «сверхприродные качества» Тела и Крови Христовых, не становясь таковыми по существу.

Это — учение настолько необычное, что благосклонный читатель может усомниться в правильности наших выводов из этих небольших цитат А. Зайцева и расценить их как недоброжелательное утрирование. Но Автор не устает и далее повторять то же самое: «Реальность божественного присутствия в Евхаристических Дарах обеспечивается не субстанциональным превращением хлеба и вина, но их восприятием в ипостась Бога Слова, в котором они начинают существовать в неслитном и нераздельном единении с Его Божеством, пронизываются нетварной благодатью, становясь тем самым истинным Телом и Кровью Христовыми». Далее: «Евхаристическое учение, согласно которому в таинстве Причащения происходит изменение сущности хлеба в сущность Тела Христова, а сущности вина в сущность Его Крови при неизменности внешнего вида, не является учением Православной Церкви ни по своему происхождению, ни, главное, по своей богословской сути.... Реальность евхаристического преложения основывается не на факте чудесного превращения (sic!) одного вещества в другое, но на ипостасном единстве освященного Хлеба с Божеством. Именно в единопричастности Богу Слово и рожденного от Девы Марии Тела и евхаристического Хлеба и заключается их тождество — и во Христе, и в Евхаристии *обитает вся полнота Божества тьлесно* (Кол 2:9). Обычный земной хлеб, будучи воспринят

найтием Святаго Духа в ипостась Бога Слова, становится обоженным Хлебом, Хлебом Небесным, Телом Самого Христа».

Читатель видит сам, насколько это серьезно у А. Зайцева. Может быть, его смущает «факт чудесного превращения»? Но не только это. Оказывается, что признать **иносущие** освященного Хлеба хлебу обыденному, признать **единосущие** Святых Таин Телу и Крови Христовым не позволяет А. Зайцеву еще и своеобразно понимаемый им путь к обожению: «Если евхаристический Хлеб иной сущности, нежели хлеб обычный, — значит, он иносущен и нашим телам. Каким же образом мы станем тогда единым Телом со Христом?», вопрошает он риторически. На этот вопрос есть только один правильный ответ: мы становимся единым со Христом телом, причащаясь истинного Тела Христова, которое родилось, крестилось от Иоанна, страдало, погребено, воскресло, вознеслось, сидит одесную Бога Отца; другими словами, причащаясь Хлеба именно **иной сущности**, нежели хлеб обычный, — мы вкушаем Его человеческой Плоти, в которой Он за нас страдал, и Крови, «излиянной Им за живот мира», некогда бывшими обычным хлебом и вином — «вместообразными Святаго Тела и Крове Христа»¹.

Хорошо видно, что А. Зайцев весьма последователен, и, к сожалению, наши первоначальные выводы оказались верными. Если еще раз извлечь сухой остаток из его пространных рассуждений, окажется, что он действительно считает, что и хлеб, и вино на Божественной литургии остаются теми же самыми хлебом и вином по своей сущности или природе, но, будучи усвоенными Богом Словом в свою ипостась, вступают в теснейшее общение с Его Божественной природой и таким образом «обоживаются», «пронизываются нетварной благодатью», становясь таким образом (если мыслить последовательно) третьим и четвертым воплощением Его в тварном мире.

Правда, А. Зайцев проводит в защиту своей новой доктрины некое «библейское и святоотеческое учение» о единосущии все-

¹ Литургия святителя Василия, анафора.

го материального мира. Поэтому речь не идет о третьей и четвертой природах! — возразит он нам. — И хлеб, и вино, как часть материального мира, единосущны по своей природе человечеству, т.е. суть одно и то же. — Но мы в ответ попросим указать нам хоть на что-либо, подтверждающее такую нелепость.

Может быть, это доказывается тем местом из «Большого Огласительного слова» святителя Григория Нисского, которое рядом приводит наш Автор? Давайте же рассмотрим это место, а заодно и ряд других, к которым он сам обращается.

Итак, В 37-й главе «Огласительного слова» святитель Григорий Нисский пишет о Таинстве причастия, используя для своих целей то язык образный, то вполне конкретный. Так, для объяснения таинственного момента преложения Святых Даров в Тело и Кровь Христовы, он пользуется **образом** усвоения человеком обыденной пищи. Этот-то образ и должен, видимо, оправдать утверждение А. Зайцева о единсущности всего материального, — здесь: хлеба и вина — человеческому телу. Но о чем говорит святитель Григорий? Всякое человеческое тело, говорит он, когда-либо жившее на земле, в том числе и Тело Христа Спасителя, естественным образом поддерживалось в бытии пищей, прежде всего, хлебом и водой, подслащенной вином. Хлеб и всякая другая пища становится единосушной телу («устраивает состав тела») **только будучи съеданной**, естественным образом претворяясь в человеческое тело (перевариваясь, как сказал бы физиолог; пресуществляясь, сказал бы «богослов в латинском пленении»). В этом смысле, образно говоря, всякое земное тело состоит из хлеба; обожненное тело Христа Спасителя — так же. Хлеб, съедавшийся Спасителем, «претворившись, принял Божественную силу», пишет святитель Григорий¹. Остается непонятным, как дальнейшие слова святителя, которыми он показывает существенное отличие **самой тайны** преложения от использован-

¹ «ὅθεν ὁ ἐν ἐκείνῳ τῷ σώματι μεταποιηθεὶς ἄρτος εἰς θεῖον μετέστη δύναμιν, διὰ τοῦ αὐτοῦ καὶ νῦν τὸ ἴσον γίνεταί». *Святитель Григорий Нисский*. Большое Огласительное слово. Киев, 2003, с. 283.

ного им **образа**, А. Зайцев приводит в качестве обоснования своих взглядов. Вот что говорит дальше св. Григорий: «От того же самого равное этому бывает и ныне. Ибо там благодать Слова святым делала Тело, состав которого был из хлеба и которое некоторым образом само было хлеб; и здесь точно также хлеб, по слову апостола, освящается словом Божиим и молитвою, не через ядение входя и становясь Телом Слова (здесь образ «естественного преложения» хлеба в Тело заканчивается. — Д. П.), но прямо претворяясь (εὐθὺς μεταλοιοῦμενος) в Тело посредством слова, как сказано Словом: *Cie estъ Тьло Мое* (Мф 26:26)»¹.

Значит, в результате нашей молитвы (анафоры), хлеб и вино мгновенно (εὐθὺς) становятся Телом и Кровью Христовыми, переставая быть уже хлебом и вином, а становясь теми элементами, которые **составляют** Его Божественное Тело, т.е. в сущности, самим Божественным Телом.

Это же самое говорит преподобный Иоанн Дамаскин: «Подобно тому, как хлеб через ядение, а вино и вода через питье естественным образом прелагаются (μεταβάλλεται) в тело и кровь ядущего и пьющего, **и не делаются другим телом, отличным от прежнего его тела**, так и хлеб предложения, вино и вода, через призывание и пришествие Святого Духа, сверхестественно претворяются в Тело и Кровь Христову, и **составляют не два тела, но одно и то же**»².

Таинственнейший момент преложения Святых Даров в Тело и Кровь Христовы уподобляется Отцами, хотевшими показать их полное и существенное изменение, естественному процессу усвоения земной пищи, когда она, можно сказать смело, пресуществляется в тело вкушающего человека.

Это совершенно недвусмысленно выражено святителем Григорием Нисским в конце той же самой 37-й главы «Большого Катехизиса». Здесь он уже оставляет язык образов и высказывается вполне конкретно: «[Слово Божие] дает [причас-

¹ Там же.

² «ὑπερφωδῶς μεταλοιοῖται εἰς τὸ σῶμα τοῦ Χριστοῦ καὶ αἷμα, καὶ οὐκ εἰς δύο, ἀλλ' ἓν καὶ τὸ αὐτό». *Святой Иоанн Дамаскин*. Точное изложение православной веры. СПб., 1894, с. 294.

тяться нетлению], силою благословения природу видимого (т.е. хлеба и вина) изменив (*μεταστοιχειώσας*, букв. — «переставив элементы») в Тело и Кровь»¹. Правда, этих слов наш Автор уже не цитирует, и понятно почему: «изменение природы» может сильно повредить его доктрине.

Со святителем Григорием согласен его западный современник, святитель Амвросий Медиоланский. Говоря о Теле Христовом в IX-й главе трактата «О таинствах», он пишет: «Покажем, что это не то, что природа образовала, но что благословение освятило, и что сила благословения более, нежели сила природы: ибо благословением и **сама природа изменяется**»².

Святитель Кирилл Иерусалимский сопоставляет преложение евхаристических Даров с превращением воды в вино на браке в Кане: «Он в Кане Галилейской некогда воду претворил в вино, сходное с кровью: и недостоин ли веры, когда вино в Кровь претворяет?»³. А вот совсем уже неприятные для нашего Автора слова святителя Кирилла: «[...] видимый хлеб не есть хлеб, хотя вкусом чувствуется, но Тело Христово: и видимое вино не есть вино, но Кровь Христова»⁴. Как это напоминает старое и доброе «Православное исповедание»: «...хлеб пременяется в истинное Тело Христово, а вино в истинную Кровь; остаются только одни виды их, представляющиеся взору»...

Всего этого мы не найдем среди цитат А. Зайцева. Но, может быть, он нашел в подкрепление своим идеям что-то другое? Да-

¹ «ταῦτα δὲ δίδωσι τῇ τῆς εὐλογίας δυνάμει πρὸς ἐκεῖνο *μεταστοιχειώσας* τῶν φαινομένων τὴν φύσιν». *Святитель Григорий Нисский*. С. 285. Другое известное место, где святитель Григорий пользуется глаголом *μεταστοιχειόω*, — гл. XXIV трактата «Об устройении человека»: «καὶ πάλιν [τὸ πᾶν] εἰς ἄλλην τινὰ μεταστοιχειοῦσθαι κατὰστασιν» — И вновь все созданное Им изменит в какое-то иное состояние (имеется в виду «новое небо и новая земля» — Апок 21:1).

² «...quia benedictione etiam natura ipsa mutatur». PL XVI. 405C.

³ *Святитель Кирилл Иерусалимский*. Поучения Тайноводственные, V. 2. М., 1900, с. 329.

⁴ «ὁ φαινόμενος ἄρτος οὐκ ἄρτος ἐστίν, εἰ καὶ τοιοῦτός ἐστι τῇ γεύσει, ἀλλὰ σῶμα Χριστοῦ, καὶ ὁ φαινόμενος οἶνος οὐκ οἶνός ἐστιν, εἰ καὶ ἡ γεύσις τοῦτο βούλεται, ἀλλὰ αἷμα Χριστοῦ...». Там же, с. 332.

вайте посмотрим. Вот он приводит слова святого Иринея Лионского из «Обличения лжеименного знания»: «Хлеб от земли, после призывания над ним Бога, не есть уже обыкновенный хлеб, но Евхаристия, состоящая из двух вещей – из земного и небесного». А. Зайцев хочет этим доказать, что «евхаристический хлеб не утрачивает своей природы», что якобы подтверждается словами «из земного». Но если не отпускать на волю фантазию, а понимать святых отцов согласно Преданию, эти слова святого Иринея означают, что хлеб после эпиклезы становится обоженным человеческим Телом Христовым, и уже в силу этого и после этого, как Тело Богочеловека, в Его ипостаси соединенное с Его Божеством, состоит из земного (одушевленной человеческой плоти = человеческой природы) и небесного (Божественной природы).

Ровно то же самое имел в виду преподобный Иоанн Дамаскин, также цитируемый А. Зайцевым: «Исаия увидел уголь, но уголь – не простое дерево, а соединенное с огнем; так и хлеб общения – не простой хлеб, но соединенный с Божеством; тело же, соединенное с Божеством – не одно естество, но два...». Казалось бы, это место, и подобные ему, все должны понимать так, что хлеб соединяется с Божеством вместе с тем, как прелажается (претворяется, изменяет природу; пресуществляется, наконец) в Тело Христово. Но наш Автор понимает его иначе: хлеб остается хлебом и как таковой «воипостасируется». Образ горящего угля А. Зайцев относит не к человечеству Христа (= одушевленной Плоти), которое поистине соединилось с Его Божеством «неслитно и неизменно», а к хлебу Святой Евхаристии. Но А. Зайцев заблуждается: Христос пребывает в Евхаристических дарах только в двух природах: Божестве и человечестве.

Очень ясно говорит об этом преподобный Симеон Новый Богослов: «Плоть Господа есть плоть Богородицы, и причащающиеся самой обоженной Плоти Господа, мы исповедуем и веруем причащаться вечной жизни»¹. Святой Симеон – один из главных учителей об обожении. Может быть, А. Зайцев, ко-

¹ Слово Нравственное I. 10. Цит. по: *Василий (Кривошеин), архиепископ* Преподобный Симеон Новый Богослов. Н. Новгород. 1996, с. 118.

торому очень хочется хлеб оставить хлебом именно потому, что иначе он опасается за действительность нашего обожения («вкусывая этот **обоженный хлеб**, обоживаемся и мы», пишет он), услышит голос святого Симеона: мы причащаемся **обоженной Плоти** Господа, которая есть **плоть Богородицы**, плоть человеческая, ипостасно соединенная с Божеством. «Обоженного хлеба», строго говоря, уже нет: есть Тело Христово под видом хлеба.

Мы не находим в тексте А. Зайцева цитат святых Отцов, хотя бы немного помогающих его новому учению. Вместе с тем, находим множество, противоречащих ему. Добавим к приведенным выше еще некоторые.

Вот святитель Игнатий Антиохийский пишет к Смирнякам (гл. VII): «Еретики удаляются от Евхаристии и молитвы, потому что не признают, что Евхаристия есть Плоть Спасителя нашего Иисуса Христа, которая пострадала за наши грехи»¹.

Святитель Иоанн Златоуст говорит устами Спасителя: «Я ради вас приобщился плоти и крови; и эту плоть и кровь, через которые Я сроднился с вами, Я опять преподаю вам»². Другие места — не менее выразительны: «*Чаша благословенія, юже благословляемъ, не общеніе ли Крове Христовы есть?*» Весьма верно и страшно он (апостол Павел) выразился; а смысл слов его следующий: находящееся в чаше есть то самое, что истекло из ребра Господа; того мы и приобщаемся... Он пролил ее для избавления нас от заблуждения, и не только пролил, но и преподал ее всем нам»³. «Он не просто дал Свое Тело, но вместо прежней плоти, которая, по естеству своему, происходя из земли, была умерщвлена грехом и лишена жизни, Он привнес, так

¹ Писания мужей апостольских. М., 2003, с. 366.

² *Святитель Иоанн Златоуст*. Беседа на Евангелие святого апостола Иоанна Богослова. XLVI. Полное собрание творений. СПб., 1908, т. VIII, с. 305.

³ «Ὁ γὰρ λέγει, τοῦτό ἐστιν, ὅτι τοῦτο τὸ ἐν τῷ ποτηρίῳ ὄν, ἐκεῖνόν ἐστι τὸ ἀπὸ τῆς πλευρᾶς ῥεῦσαν, καὶ ἐκεῖνον μετέχομεν». *Святитель Иоанн Златоуст*. Беседа на Первое послание к Коринфянам XXIV. ПСТ. СПб., 1904, т. X, кн. 1, с. 236.

сказать, другое тесто и другую закваску – свою Плоть, которая **по естеству такая же**, но чужда греха и исполнена жизни, и всем преподал ее, чтобы, питаясь ею и отложив прежнюю мертвенную плоть, мы уготовались посредством этой трапезы в жизнь безсмертную»¹. Здесь ясно и недвусмысленно святитель Иоанн говорит, что Христос дает нам вкушать свою человеческую Плоть, единоприродную с нашей, но безгрешную и исполненную жизни. Эту мысль он развивает и далее: «*Идѣже бо трупъ, говорит Господь, тамо соберутся орли. Трупом Он называет умершее Тело, так как если бы Он не умер, то и мы не воскресли бы; а орлами называет приступающих к этому Телу... Ведь это – трапеза орлов, а не галок... Когда ты увидишь его предложенным, то скажи самому себе: через это Тело я уже не земля и пепел, уже не пленник, но свободный... Оно – то самое Тело, которое было окровавлено, прободено копием и источило всей вселенной спасительные источники – кровь и воду*»². Но ограничимся немногими цитатами, ибо вся эта XXIV-ая беседа на I-е Послание к Коринфянам утверждает факт единоприродности богочеловеческого, священно-исторического Тела Христова тому Телу, которое мы «угрызаем», причащаясь: «Это Тело Он дал нам для обладания и ядения, чем и показал сильную любовь; ведь кого мы сильно любим, того часто и угрызаем...»³.

Мы попытались убедить А. Зайцева в истине, признаться, самоочевидной для нас. В самом деле, Господь изрек: «*Сіе есть Тѣло Мое ... Сіа есть Кровь Моя*»; что еще требуем? Пресуществление – значит изменение сущности; слово «сущность» в греческом языке (οὐσία) является существительным, происшедшим (через причастие женского рода) от глагола «быть» (εἶμι). Таким образом, слова *есть* и *сущность* – одноосновные; Господь указывает на *сущностное* изменение.

¹ «μάζαν καὶ ζύμην ἐπεισήγαγε, τὴν ἑαυτοῦ σάρκα, φύσει μὲν οὖσαν τὴν αὐτὴν, ἁμαρτίας δὲ ἀπὸ πηλλυγμένην καὶ ζωῆς γέμουσαν». Там же, с. 237.

² Там же, с. 240.

³ Там же, с. 241.